

Ольга Лучкина

«КЛУБ ЗНАМЕНИТЫХ КАПИТАНОВ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АНТИКОЛОНИАЛИЗМА

Статья посвящена анализу репрезентации антиколониальной проблематики в книгах, созданных по мотивам радиопередачи «Клуб знаменитых капитанов» (Климентий Борисович Минц, Владимир Михайлович Крепс). Радиопередача была хитом советского радиовещания, она выходила в эфир в 1945–1982 гг. и отличалась ярко выраженной антиколониальной тематикой. В книгах серии «Клуб знаменитых капитанов», послуживших материалом исследования, упоминаются русские, англичане, французы, немцы, американцы, индейцы, африканцы, индийцы, китайцы, полинезийцы, арабы, японцы. Сквозь призму постколониальной теории исследуется противоречивый характер советского антиколониализма. С одной стороны, в произведениях последовательно осуждается западный империализм и расизм, пропагандируются идеи интернационализма и уважения к культурному разнообразию. С другой стороны, в романах и радиопьесах сохраняются элементы колониального дискурса: европоцентризм, патернализм, экзотизация неевропейских народов и романтизация их образов. Особое внимание уделяется стратегии умалчания относительно колониального опыта Российской империи и СССР, а также противопоставлению «плохих» западных колонизаторов и «хороших» русских исследователей. Делается вывод о том, что «Клуб знаменитых капитанов» транслировал амбивалентный дискурс, сочетавший декларируемый антиколониализм с унаследованными от колониальной эпохи моделями повествования и восприятия «другого».

Ключевые слова: «Клуб знаменитых капитанов», советская детская литература, антиколониализм, постколониальная теория, колониальный дискурс, интернационализм, империализм, образ «другого»

Ольга Александровна Лучкина, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, olyalukoie@gmail.com

«Среди нас есть русские, англичане, индейцы, немец, француз, молодой американец и сын Индии. В один прекрасный день все народы закопают глубоко под землю боевые томагавки и ружья и раскурят трубку мира. А сейчас... в ожидании этого дня приходится распутывать темные страницы прошлого, разгадывать тайны... и бороться!..» — заявляли герои популярного советского многосерийного радиоспектакля для детей «Клуб знаменитых капитанов», создателями которой были сценаристы и драматурги Климентий Борисович Минц и Владимир Михайлович Крепс [Крепс, Минц 1974, 259]. Радиопередача выходила в эфир в 1945–1982 гг. с перерывом в вещании с 1953 по 1966 г. В 1950 г. на сцене Московского драматического театра им. М. Д. Ермоловой поставили пьесу «Тайна затонувшей шхуны» по мотивам передачи, а потом последовали и книги, написанные по сценариям к передаче [Крепс, Минц 1951; Крепс, Минц 1963; Крепс, Минц 1964; Крепс, Минц 1964a; Крепс, Минц 1964b; Крепс, Минц 1974; Крепс, Минц 1974a; Крепс, Минц 1977; Крепс, Минц 1980; Крепс, Минц 1989; Крепс, Минц 1997]¹. Книжная серия «Клуб знаменитых капитанов» открылась в 1950-е гг. пьесой «Тайна покинутого корабля» (издательство «Искусство», 1951 г.), тексты песен к которой написал Сергей Богомазов. В соавторстве В. М. Крепс и К. Б. Минц написали в 1960-е гг. четыре авторских сборника, названные тетрадями и опубликованные в издательстве «Детский мир» (повесть «Свистать всех наверх!», 1963 г.) и в издательстве «Малыш» (повести «Сокровища капитана Ермакова», «Тайна покинутого корабля», «По следам затонувшей шхуны», 1964 г.) со стихами С. Богомазова. В 1970-е гг. были изданы сборники повестей «Клуб знаменитых капитанов» (со стихами С. Богомазова) в издательстве «Советская Россия» (1974 г. и 1977 г.) и сборник радиопьес «На волне знаменитых капитанов» в издательстве «Искусство» (1974 г.). В 1980-е гг. вышла пьеса «Тайна покинутого корабля» в издательстве «ВААП-Информ» (с текстами песен С. Богомазова, 1980 г.) и сборник пьес (стенограмм) «Путешествие становится опасным» в издательстве «Искусство» с предисловием А. Макарова (1989 г.). Еще одна книга для детей по мотивам передачи «Клуб знаменитых капитанов» была опубликована в 1997 г. в издательстве «Центрполиграф».

Радиопередача «Клуб знаменитых капитанов»² рассказывала о приключениях капитанов из произведений русской и мировой литературы, которые по ночами «сходили со страниц книг» и отправлялись в путешествия. А. К. Евдокимова отмечала: «„Клуб знаменитых капитанов“ через оптику приключений предлагал слу-

шателям пространство для поиска связей не только с советским, но и с общечеловеческим опытом, а также для проработки собственного опыта и активного задействования творческого воображения» [Евдокимова 2021, 34]. Какого рода связи с общечеловеческим опытом могли найти в передаче дети? Исследовательница назвала передачу «альтернативной». Насколько альтернативной она была?

Книги, выходившие в цикле КЗК, позволяют, на мой взгляд, выявить особенности советского дискурса об «иных» народах и странах. Через все книги красной нитью проходила антиколониальная тема. Менялась политическая обстановка и культурно-языковые реалии, но антиколониальные высказывания оставались. Так, в радиопьесе «Тайна черных песков» 1989 г. сохранялся сюжет о проделке Негоро, который заманил капитанов в Черные пески, и антиколониальный пафос издания пьесы 1951 г., но в ней речь шла уже не только о колониальной политике XIX в., но и о современной работорговле. Тема давалась и ретроспективно, и с прицелом на настоящее:

Князь Черногорский.

Что сейчас делают работорговцы, мой друг Негоро? Ведь торговля рабами давно отменена. Чем они сейчас торгуют?

Негоро.

Как — чем? Рабами!.. Правда, это уже не те рабы, что раньше... (Вздыхает.) И возни больше... [Крепс, Минц 1989, 52].

Как в радиопьесах отражался провозглашенный в СССР антиколониализм и интернационализм? Многие советологи считают Советский Союз колониальной державой, которая продолжала политику Российской империи в отношении своих окраин. Однако вопрос о колониальной политике СССР остается дискуссионным среди ученых-историков [Абашин 2015]. Несмотря на транслируемый властью антиколониализм, в советской культуре присутствовали имперские нарративы [Михайлин 2020]. Как сочетался официальный советский антиколониализм с идеями, провозглашаемыми литературными персонажами из прошлых эпох в качестве главных героев радиопередачи? Анализ радиопьес из цикла КЗК позволит выяснить, как в них изображался «другой» и какие стереотипы отразились в книгах Минца и Крепса. Какие имплицитные элементы колониального дискурса использовались авторами? Как они транслировались через язык, сюжет, выбор места действия (стран и народов), образы персонажей? Анализ образов героев

поможет установить особенности антиколониальной риторики радиопередач и особенности советского дискурса об «иных» народах и странах. Кем же были знаменитые капитаны? Спасателями чужой культуры? Просветителями? Цивилизаторами? Или просто путешественниками с антиколониальным мышлением? Цикл КЗК был хитом детского радиовещания, который мог влиять на формирование колониальной/антиколониальной оптики восприятия действительности советских детей. Я рассмотрю КЗК сквозь призму постколониальных исследований³.

Образы знаменитых капитанов: специфика антиколониальной риторики

Знаменитые капитаны, герои радиопьес и радиопередач, сходили со страниц книг, выбирали председателя и рассказывали детям о путешествиях и экспедициях (как реальных, так и вымышленных), о жизни в зарубежных странах. Чаще всего путешествия были морскими. Внимание на взаимосвязь колониальной темы и моря обращала Н. Л. Потанина: «С самого начала колониальная тема в английской литературе была тесно связана с морем. Морские офицеры становились администраторами в колониях, искренне веря в необходимость своей цивилизаторской роли и неся „бремя белого человека“...» [Потанина 2014, 286]. К. Ллойд отмечал роль морского романа в формировании романтических настроений. По его мнению, именно морской роман внушил юным англичанам любовь к морю [Lloyd, 1961]. С помощью морской темы в КЗК романтизировались приключения и оформлялся колониальный дискурс, так как герои-капитаны и морские путешествия в целом — составляющие нарратива об освоении территорий и знакомстве с другими народами. Как с помощью образов капитанов создавался колониальный (или все же антиколониальный) нарратив в цикле книг КЗК?

Рассказывая об истории КЗК, Евдокимова комментирует исчезновение передачи из эфира в 1953 г. так:

Обвинение в «устарелости», несовременности «Клуба знаменитых капитанов» органично вписывается в контекст позднесталинской борьбы с космополитизмом, «иностраницей» и «враждебным влиянием». <...> Большое внимание капитанов к истории отечественных путешественников, экспедиций и достижений, которое должно было способствовать формированию у слушателей положительного образа родины, а также упоминание капитанами США в негативном свете не спасли передачу от закрытия [Евдокимова 2021, 25].

Среди основных героев, состоявших в разное время в «Клубе знаменитых капитанов», были Капитан Немо («Двадцать тысяч лё под водой», «Таинственный остров», Жюль Верн), Лэмюэль Гулливер «Путешествия Гулливера», Джонатан Свифт), Тартарен из Тараскона («Тартарен из Тараскона», Альфонс Доде), Барон Мюнхгаузен («Приключения барона Мюнхгаузена», Рудольф Расп), Дик Сенд («Пятнадцатилетний капитан», Жюль Верн), Капитан корвета «Коршун» («Вокруг света на „Коршуне“», Константин Станюкович), Артур Грэй («Алые паруса», Александр Грин), Капитан Воронцов («Тайна двух океанов», Григорий Адамов). Герои разных национальностей транслировали идеи интернационализма, которые были популярны в Советском Союзе, но приобрели свое особенное значение:

...идеологическая рамка... ...парадоксальным образом сочетала в себе антиимпериалистическую и антиколониальную риторику с откровенной установкой на колониализацию целых социальных пространств и страт. Более того, она подводила под эту колониальную часть своей риторики новую, сциентистски фундированную базу, поскольку отныне доступ к единственно верному знанию, то есть к марксизму в его актуальной на данный момент советской вариации, автоматически определял право «политически грамотных» индивидов и групп на объективацию индивидов и групп «несознательных», то есть тех, кто в этом доступе был по тем или иным причинам ограничен [Михайлин 2020, 474–475].

Право на объективацию «других» в цикле книг КЗК получают герои колониальных эпох — литературная элита приключенческой прозы. Выбор персонажей отражал интернациональный характер сюжетов радиопьес: капитан Немо — индеец, Тартарен — француз, Робинзон Крузо — англичанин, Капитан корвета «Коршун» — русский и т. д. Поступки героев должны были транслировать гуманизм и антиколониализм. Робинзон Крузо в мешковатом костюме из козьих шкур с тяжелым мушкетом рассказывал о своей дружбе с индейцем Пятницей и заявлял, что человек своим трудом может добиться всего. Пятнадцатилетний капитан Дик Сенд сражался с пиратами и работорговцами:

Похитил бриг наш «Пилигрим»
Пират в недобрый час,
Он завладеть задумал им,
Продавши в рабство нас.
На рынке — хмурая толпа

Измученных людей,
Удары плеток, стон раба,
Унылый звон цепей... [Крепс, Минц 1989, 371]

Особое место в ряду образов капитанов занимал Немо как символ борьбы за национальное освобождение Индии. Его образ амбивалентен: он и «другой», и спасатель «других». Капитан Немо представлен в книгах как индийский принц, который возглавил восстание против английского господства и вынужден был бежать, но не прекратил бороться за независимость своего народа: «Я бежал на далекий остров, — продолжал Немо. — Выстроил свой подводный корабль „Наутилус“ и скрылся в морских пучинах. На дне океанов я находил несметные сокровища и передавал их тем, кто боролся за независимость своего народа» [Крепс, Минц 1954, 118]. Будучи жертвой колониальной политики, Немо вместе с капитанами-европейцами спасает африканцев и индейцев от рабства и рассказывает о травматичном опыте жертв колонизации:

Джим (подходя к Немо). Масса капитан... Между нам говоря, вы, кажется, цветной? Может быть, вы мулат?

Немо. Я индус, дорогой Джим. И хотя я знаменитый капитан, но я вынужден скрываться от преследования так же, как и вы...

Джим (в недоумении). Скрываться здесь, на Миссисипи, цветному человеку?.. Неважное mestечко вы выбрали, масса капитан [Крепс, Минц 1951, 46].

Тартарен, глава тараконской колонии Порт-Тараксон, охотник и альпинист, вместе с другими капитанами принимал участие в путешествиях, колоритно рассказывая о гастрономических особенностях разных стран. Но важным для авторов было то, что он символизировал колониальное прошлое: «При его участии писатель Альфонс Додэ зло высмеял колониальную политику» [Крепс, Минц 1951, 120]. Капитаны в книгах В. М. Крепса и К. Б. Минца не только искали приключения и сокровища, сражались с пиратами, рассказывали читателям о культуре, флоре и фауне разных стран, морском деле, известных открывателях и путешественниках, становились туристами, знакомящимися с историей освобождения африканской страны от Британского влияния, но и спасали: Петю — от двойки, а невольников — от работоторговцев. В пьесе «В поисках молодой Луны» герои помогают шкиперу и его жене-индианке (коренной американке) в борьбе с американским работоторговцем Чипом:

Индианка. Я вспоминаю... В такую ночь вождь нашего племени Маленький Волк поднял все племя в далекий путь, домой, к Черным холмам Вайоминга... Нас, целое племя северных шайеннов, насильно переселили в безводные степи, где не было никакой дичи... Мы не могли охотиться... Мы голодали... Все это случилось потому, что янки понадобились наши родные привольные земли... Я тогда была совсем девочкой... Маленький Волк собрал все племя и сказал: «Это очень страшно, когда умирает целый народ... Но лучше умереть, чем быть рабами» [Крепс, Минц 1951, 62].

Приключения книжных героев стали фоном для просветительской риторики, важной частью которой были антиколониальные высказывания. Капитаны — исследователи, спасатели и просветители. Из рассказов и приключений капитанов дети узнавали, что торговлю людьми вели разные народы:

...туристы спустились вниз в каменные «магазины», где когда-то хранился особенно ценный товар — черные рабы для отправки на американские плантации. Торговлю людьми вели португальцы, голландцы, шведы, датчане, немцы, затем постепенно их всех вытеснили английские работоторговцы... При свете фонаря были видны покрытые вековой сыростью стены и столбы с обрывками ржавых цепей. Из казематов туристы вышли через узкий проход прямо на морской берег. Этим путем гнали рабов для погрузки в трюмы кораблей. Здесь пленные африканцы могли в последний раз вдохнуть воздух своей родины [Крепс, Минц 1964а, 46–47].

И далее давалось описание случившейся трагедии:

Огромный пролом открывал картину разыгравшейся здесь трагедии. Трюм был забит скелетами, закованными в цепи. На носу красовалась полусгнившая деревянная фигура — голова женщины. Капитаны успели прочитать название корабля — «Эсмеральда». Нетрудно было догадаться, что это был невольничий корабль, затонувший после схватки с каким-нибудь пиратом, пытавшимся отнять у «законных владельцев» черных рабов [Крепс, Минц 1964а, 57–58].

На первый взгляд пьесы и романы, написанные по мотивам КЗК, носили ярко выраженный антиколониальный характер. Колониальная политика США и европейских стран осуждалась, а герои-протагонисты поддерживали борьбу африканцев за независимость, восхищались природными богатствами, помогали туземцам в противостоянии с рабовладельцами. При этом в приключенческом

нарративе, героями которого были в основном капитаны из европейской классики, демонстрировалась идея о прогрессивности Советского Союза. Русские превосходили остальные народы в области изобретений и открытий. Например, сообщалось, что Афанасий Никитин на четверть века раньше португальских кораблей прибыл в Калькутту. Но главным образом авторы отмечали превосходство русских над американцами. Так, уточнялось, что остров Утирик, находящийся под опекой США, был открыт русскими и на картах девятнадцатого века носил название «остров Кутузова», а Аляска «была открыта в 1732 году русской экспедицией подштурмана Ивана Федорова и геодезиста Михаила Гроздева на боте „Гавриил“ <...> Но мы проходили, что Аляска принадлежит Соединенным Штатам Америки... Аляску открыли русские. Американцы пытались себе это присвоить...» [Крепс, Минц 1951, 77]. Претензия Советского Союза на статус антиколониальной державы подтверждалась статусом бескорыстного первопроходца: он не колонизирует, а открывает и исследует.

В радиопьесах обозначался контраст между русскими исследователями Аляски и американскими колонизаторами. Относительно русского колониального прошлого использовалась фигура умолчания. В книгах не упоминалось ни крепостное право, ни кавказская война, ни освоение и колонизация Азии. Русский колониальный контекст, опыт Российской империи, не описывался. Однако критиковалась колонизаторская политика, проводимая в других странах. Разница между советскими поселенцами, исследователями, открывателями и представителями других наций заключалась в том, что если вторые претендуют на природные богатства, земли и свободу туземцев, то первые предлагают безвозмездную помощь в освоении земель и богатств и дружат с местными жителями. И русские исследователи, и американские колонизаторы исходят из восприятия людей «другими», лишая их права на самоопределение и самоописание, превращая их в материал для «цивилизаторских» проектов со стороны колонизаторов.

Из пьесы «Пакет распечатать в открытом море» читатель узнает о первых русских поселениях на Аляске, относящихся к эпохе Ивана Грозного, об открытии Иваном Федоровым западного побережья Америки, об основании Григорием Шелиховым поселка и организации им первых посевов хлеба и овощей на Аляске. Рассказывая об освоении Аляски, авторы изображают колонизируемые народы друзьями русских, а колонизаторов (Королевского корсара Барбера) — врагами:

Британское Адмиралтейство, вытащив из Ньюгетской тюрьмы старого пирата, послало его к берегам Русской Америки. С этого дня он получил кличку — Королевский корсар. Теперь мы знаем, что было в секретном пакете первого лорда: Барбер должен был любой ценой изгнать русских из Аляски. <...> Лица были закрыты боевыми масками, и под видом индейцев люди Барбера... ...напали на русские села. <...> Они хотели нарушить дружбу русских с индейцами и вызвать между ними вражду [Крепс, Минц 1974, 260].

Попытка британцев нарушить межнациональную дружбу и захватить Аляску заканчивается провалом. Русские показаны не как колонисты, а как поселенцы, дружащие с местными жителями, строящие для них школы в то время, как другие колонисты этой дружбе угрожают. В тоже время, называя виновников потери Аляски, капитан корвета «Коршун» указывает на ценность земли и рассказывает о ее продаже как об удачной бизнес-сделке:

Капитан корвета «Коршун».

Да, то, что не удалось Королевскому Корсару, удалось американским дельцам... В 1867 году продажные царские чиновники уступили Аляску с прилегающими островами Соединенным Штатам Америки за смехотворную сумму — семь миллионов двести тысяч долларов. Каждый школьник знает, что в те времена там было много городов и селений, пушной промысел и золотые россыпи. А территория Аляски занимает один миллион пятьсот девятнадцать тысяч квадратных километров — почти в три раза больше Франции! Великолепный бизнес!.. Редчайший в истории... Менее пяти долларов за квадратный километр богатейшей земли! [Крепс, Минц 1974, 269].

Авторы книг цикла КЗК показывали хорошие отношения русских с коренными жителями (индейцами, алеутами, эскимосами) ресурсоемких территорий. Дружбе русского путешественника Н. Н. Миклухо-Маклай с туземцами Новой Гвинеи посвящены страницы пьесы «Завещание Мюнхгаузена», в которой исполняется баллада «Память сердца»:

Отвергал он насилье,
Был противник оружия,
Он встречал папуасов
Неизменною дружбой.
И простые, как дети,
Люди черного юга
Свято верили мудрости русского друга! [Крепс, Минц
1989, 281–282]

Если Аляску русские осваивают и заселяют, а Новую Гвинею изучают, то колонизированный Крым делают здравницей. Когда в пьесах обсуждается территория СССР, о колонизации речь не заходит, для описания освоения новых территорий и Российской Империей, и Советским Союзом используются идеи дружеского взаимодействия с местными жителями, открытия новых земель и просвещения других народов, а в некоторых случаях — отрицания исторических фактов:

Шахразада.

Дошло до меня, о счастливый царь, что эту бутылку с сургучом прислали Лена Могилевцева из города Алушты в Крыму.

Царь Шахрияр.

Слышал. Это владение крымского хана Гирея.

Артур Грей.

Нет, ваше величество. Алушта — это знаменитый детский курорт Министерства здравоохранения, а никакого не хана Гирея. Лишь Черное море осталось на своем месте [Крепс, Минц 1989, 346].

Знаменитые капитаны формально выступали как деколонизаторы, но, по сути, иллюстрировали советский извод колониального дискурса. Эти персонажи наделялись описанием биографии и мотивации, им давались комплексные психологические характеристики, образы индивидуализировались через детали, они играли активную роль в сюжете. Образы капитанов демонстрировали разнообразие характеров и стилей речи. С одной стороны, капитаны провозглашали антиколониализм, а с другой — сохраняли колониальное мышление, прикрытое интернационализмом и идеей доминирования Советского Союза на международной арене. В книгах использовались имплицитные структурные элементы колониального дискурса, среди которых: 1) европоцентризм в повествовании. Главными героями являются преимущественно европейские персонажи (русские, англичане, французы, немцы), выступающие как активные субъекты, вокруг которых строится сюжет; 2) логика глобального исследования. Мир представлен как пространство для исследования и классификации, что повторяет колониальную модель познания; 3) форма приключенческого путешествия. Использование жанра приключенческой литературы со структурой «путешествие — открытие — возвращение с трофеями», характерной для колониальной эпохи.

Образ «другого» и колониальная риторика в «Клубе знаменитых капитанов»

Термин «колониальный дискурс» ввел в научный оборот Э. Сайд, он трактовал его как объективированный образ колониального мира, представлявшийся европейцу эпохи колониализма не только «другим», но и «чуждым» [Сайд 2006, 8]. Объект (группа или отдельные представители) отличается от субъекта дискурса этническими, религиозными, лингвистическими, культурно-бытовыми и другим признаками. Объективированный образ позволял создавать определенный образ «другого», который обосновывал необходимость отношений господства-подчинения — для «усмирения», религиозного «просвещения», «цивилизаторской» работы и прочего. Опираясь на идеи Э. Саида, А. Эткинд⁴ разработал теорию «внутренней колонизации» для описания процесса экспансии и освоения внутренних территорий России, особенно в контексте XIX–XX вв. [Etkind 2011]. Однако русский колониализм отличался от западноевропейского, поэтому постколониальная методология применяется к анализу колониального опыта России с оговорками и особым подходом⁵. Описывая русскую модель колонизации, используют концепцию имперского дискурса, помогающую понять нарративы о расширении, управлении и культурной ассимиляции. Эткинд, развивая концепцию «внутренней колонизации», прибегает к теории «самоколонизации», рассматривающей внутренние формы колонизации, связанные с доминацией, культурным подавлением и эксплуатацией некоторых народов и регионов в рамках одной империи. Исследователи выделяют противоположные категории: военная и мирная колонизация, а также процессы экономического и культурного доминирования. Некоторые из них рассматривают, чем русская колонизация отличается от европейских моделей, и называют ее моделью «перемещенного» или «переосмысленного» колониального опыта. По Сайду, колонизация главным образом носит насильтственный характер и сопровождается поддержанием культурной дистанции между колонизаторами и местными жителями. Создание русской модели колонизации «связано с осмыслением „разметкой“ той огромной территории, на которой „колонизаторы“ жили вперемешку с „колонизированными“» [Кукулин 2012, 851–852]. Эти теории помогают понять сложную динамику русской имперской политики и ее последствий для формирования культурных и литературных нарративов, а также для внутренней и внешней колонизации в рамках современного

постколониального анализа. Пристальное чтение книг из цикла КЗК позволяет увидеть, как встречаются два извода колониального дискурса: западноевропейский и русский.

Формирование образа «другого» (одна из ключевых категорий постколониальной методологии) происходило за счет использования дискурсивных конструкций — жанровых, сюжетных, образных, стилевых. Как изображался «другой» в радиопьесах? Насколько стереотипно представлены в них неевропейские народы? Анализ характеристик, речи, поведения и роли неевропейских персонажей в повествовании поможет ответить на эти вопросы. В книгах В. М. Крепса и К. Б. Минца упоминаются русские, англичане, французы, немцы, американцы, индейцы, африканцы, индийцы, китайцы, полинезийцы, арабы, японцы. Среди неевропейских народов чаще всего встречаются американские индейцы и африканские народы. В то время как капитаны изображались яркими индивидуальностями, неевропейские народы представлялись как коллективный образ с редкими исключениями, они описывались через внешние атрибуты, делался акцент на их отношении к европейцам, определялась второстепенная роль в сюжете. В приведенных ниже фрагментах эмоции пятнадцатилетнего капитана нюансируются и передаются в динамике, а туземцы испытывают «общую» эмоцию на двоих, улыбаются и выражают свои «лучшие чувства» через музыкантов:

Я никогда не видел, чтобы наш молодой председатель был так *взбешен* (здесь и далее курсив мой. — О. Л.). Обычно в самые опасные и даже трагические моменты ему удавалось сохранять хотя бы относительное *спокойствие*. Но, пока над площадью звучала песенка миледи, он *постепенно наливался гневом* у нас на глазах. На его обветренном лице сквозь привычный морской загар *стали проступать красные пятна*. Однако пятнадцатилетний капитан *взял себя в руки и официальным тоном произнес* слова команды:

—Эй, на пьедестале!.. Немедленно очистить мостик!.. [Крепс, Минц 1977, 48]

Они, услыхав свои имена, улыбнулись и, желая выразить лучшие чувства, подали знак музыкантам. <...> «Он был добрый, он был смелый, / Он был русский человек!» [Крепс, Минц 1977, 282]

В пьесах сохранялись проблематичные выражения («негр», «черномазый в чалме», «цветной», «черный») при одновременной критике расизма и колониализма: «...а затем поднял голову, пристально посмотрел на Немо и снова достал оружие. — А кто этот

черномазый в чалме? Может, вы прихватили на юге чужого раба на продажу?..» [Крепс, Минц 1977, 30]. Но при этом расистская речь использовалась как маркер речи отрицательных персонажей. Неевропейским персонажам давались имена двух типов: романтизированные, типичные для приключенческой литературы (Молодая Луна, Седой Бобер, Черный Медведь) и лаконичные, часто короткие имена (Дигу, Лако), контрастирующие с полными именами европейских персонажей (Капитан Немо, Тартарен из Тараскона, Барон Мюнхгаузен, Дик Сенд, Артур Грэй, Капитан Воронцов) с отсылкой к званию, титулу, происхождению.

Африканцы в радиопьесах показаны как жители континента со своей ценной культурой, историей, а сама Африка — как богатый ресурсами континент: «Все правильно, любезный Дик, кроме того, что это маленькая страна. Гана по своим размерам не уступает Великобритании, а земли ее гораздо богаче. Достаточно, что в Англии нет ни золота, ни алмазов, ни марганца, ни бокситов. Там нет ни банановых рощ, кокосовых пальм и плантаций какао. Все это вывозит Гана» [Крепс, Минц 1964а, 55]. Африканцы выступают в роли торговцев, покупателей, гидов и друзей русских: «молодой высокий африканец в белоснежном костюме», «женщины с поклажей на голове» в пестрой одежде и «молодая африканка в европейском платье». В пьесе «Сокровища капитана Ермакова» проезжающая мимо африканка спрашивает капитанов, спешащих на поиски завещания капитана Ермакова: «Вы русские?» И, услышав положительный ответ, говорит: «Значит, вы наш друг. Садитесь. Подвезу» [Крепс 1964а, 52]. Упоминается и африканское происхождение А. С. Пушкина (пьеса «Гость из тумана»). Народы связываются именем классика русской литературы, использование символического капитала которого позволяло преодолеть чуждость Африки. Пушкин становится «своим» для африканцев:

Артур Грэй.

Позвольте, капитан Крузо, наш юный корреспондент пишет и об Александре Сергеевиче Пушкине... (Читает.) «Он был связан кровным родством с Африкой...». «Черный дед мой Ганнбал» — писал поэт. Газеты и журналы независимых африканских государств в юбилейные дни, связанные с рождением Александра Сергеевича, публиковали статьи под названием «Наш Пушкин» [Крепс, Минц 1989, 368].

Подчеркивая литературные взаимосвязи Африки и СССР, Крепс и Минц отсылают читателя к поэту, для которого Африка «была одновременно колониальным пространством, откуда

в Россию приехал его предок Абрам Ганнибал, и образом утопической, невозможной свободы» [Кукулин 2012, 83]. В африканских приключениях капитанов делается акцент на борьбе против работорговли и колониализма. Африканцы борются за свою свободу, хотя и шансы их невелики: «Томас поддерживал негров, которые решили принять участие в выборах мэра города... но какова цена конституции в дни выборов в южных штатах?..» [Крепс, Минц 1974, 202]. Афроамериканцы представлены как жертвы расистской системы США и одновременно как борцы за свои права. Задавая вопрос о символике флага молодого африканского государства, Дик Сенд сам на него и отвечает: «Желтая полоса — это знак золота, зеленая — цвет како, красная — память крови, пролитой борцами за свободу Ганы. А черная звезда — это символ братского единства всех народов Африки» [Крепс, Минц 1964а, 13]. Через африканский нарратив постулируется и интернациональная идея.

В целом, африканцам в цикле пьес КЗК удалено особенное внимание. Пьеса «Гость из тумана» посвящена только Африке. В ней капитаны читают письма «Африка вчера и сегодня», которые прислали дети. Задача рассказать об Африке переходит к адресату, советскому ребенку. Дети пишут о колонизаторах и мечтают о временах, когда Африка обретет независимость, капитаны рассказывают о советских детских лагерях для детей, природе Африки, о первенстве русских в освоении (открытии) Африки. С одной стороны, читателю предлагается критика рабовладения и колонизации. Авторы описывают рынок рабов, в красках изображают портрет Хосе Антонио Альвеца, экспортёра «черного товара», рассказывают о борьбе Черной Королевы Нзинги с португальскими завоевателями и о других реалиях колонизированных стран:

Капитан корвета «Коршун».

Разрешите мне огласить послание Вадима Ниемеля из Карелии, поселок Гирвас... Меня поразили нарисованные им карты африканских государств с указанием столиц, растительного и животного мира. Здесь и карта заповедников Восточной Африки. Любопытно, что пишет Вадим. «На почтовых марках Кении, Уганды и других стран Африканского континента обычно изображены обезьяны, слоны и другие диковинные для нас животные. Но многие виды животных были истреблены, только за последние двадцать лет прошлого столетия было уничтожено полтора миллиона слонов. Почти полностью исчез в Африке белый носорог. Потом пришла мода на меха леопардов, зебр, антилоп... Еще совсем недавно из одной африканской колонии было вывезено триста восемьдесят тысяч шкур редких животных. Прави-

тельства завоевавших свободу африканских стран решили взять под свой контроль охрану животных. В национальных парках и заповедниках запрещено применять оружие» [Крепс, Минц 1989, 364].

В тоже время африканцы и их жизнь экзотизируются, а «белый человек» их спасает. Авторы книг сохраняют представление о покровительственных отношениях между прогрессивными европейцами и другими народами. Таким образом, антиколониальный дискурс перемежается с колониальным:

Артур Грэй.

Его письмо — это, так сказать, визитная карточка. К нему приложена карта, на которой отмечены крупнейшие порты Черного континента и зеленая ученическая тетрадь. В ней много интересных сведений... Ну к примеру (читает): «В Кении расположен самый интересный из африканских парков и заповедников, Ватаму. Он находится близ города Малинга, на побережье Индийского океана. Это морской парк, и другого такого нет в мире. Туристы здесь катаются в лодках со стеклянным дном. Они наблюдают удивительный мир кораллов, водорослей и разноцветных рыб...». А из Кении Радик держит курс на Республику Конго и останавливается на живописном берегу реки Джуз. Оказывается, там отдыхают конголезские ребята в пионерском лагере, который построен советскими людьми [Крепс, Минц 1989, 367].

«Белый человек» — это, как правило, советский человек, который живо интересуется Африканским континентом. Авторы упоминают Авраама Норова и Егора Ковалевского, которые в разное время оказались в Африке, побывали в отдаленных краях континента, плавали по Нилу и посещали оазисы Сахары. Советские школьники признаются в любви к Африке и ненавидят колонизаторов:

Робинзон Крузо (читает).

От Лили Дубининой, школьницы из села Отрадное Белгородской области. «Здравствуйте, знаменитые капитаны! Я очень люблю Африку! Когда я по вашему заданию оформляла альбом, то передо мной еще полнее раскрылась жизнь на этом континенте. Я возненавидела колонизаторов, которые не считают африканцев за людей. Советские люди дружат со всеми людьми на земле. Скоро, очень скоро вся Африка будет свободна!..» [Крепс, Минц 1989, 363]

Африканский континент представлен двояко: как пространство древних цивилизаций и как «дикий», требующий исследования континент. Описания содержат антиколониальные элементы

и осуждение работорговли и демонстрируют сочетание уважительного отношения к истории и культуре народов с элементами экзотизации и упрощения: «История Ганы известна со времен средневековья... Республика Гана — королева какао... любители шоколада, конфет и какао.... должны быть благодарны трудолюбивым ганцам» [Крепс, Минц 1964а, 47].

Северные шайенны изображены не только как жертвы колонизации, но и как мудрые, смелые и достойные люди. Персонажам индейцам даны характерные стереотипные имена: Седой Бобер, Молодая Луна, Черный Медведь, Быстрононгий Олень. Если образы американцев политизировались через призму советской идеологии, то образы индейцев романтизировались, они изображались в пьесах как миролюбивые, мудрые, близкие к природе люди. При описании папуасов Новой Гвинеи (конкретная этническая группа не называлась) сохранялся патерналистский подход, особенно в формате «просвещенный русский исследователь и благодарныеaborигены». Океанийцы показаны как дружелюбные, благодарные и лояльные помощники исследователей. Авторы подчеркивали их уважительное отношение к русскому исследователю Миклухо-Маклаю. В цикле книг КЗК неевропейские народы редко выступали как примитивные или нуждающиеся в цивилизаторской миссии, хотя элементы патернализма сохранялись. Неевропейские народы изображались преимущественно положительно: они — носители ценных культурных и нравственных традиций, союзники в борьбе за мир и справедливость. Отношения персонажей основаны на идее дружбы и взаимной помощи, но инициатива и лидерство остаются за европейскими и русскими персонажами. Островитяне и другие «дикари» представлялись как наивные люди («Простые как дети — жители юга»). Острова Тихого океана — это пространство исследований и «первого контакта». Неевропейские персонажи чаще описывались через внешние атрибуты, делался акцент на отношении «других» народов к европейцам, им отводилась второстепенная роль в сюжете, характеры типизировались, а речь стилизовалась.

Заключение

Анализ книг цикла КЗК демонстрирует сложный и противоречивый характер советского антиколониального дискурса. С одной стороны, авторы последовательно выступают против колониализма, расизма и эксплуатации, формируя у юных читателей установку на интернационализм и уважение к культурному разнообразию.

С другой стороны, сама структура повествования, образы персонажей и географический фокус отражают европоцентрический взгляд на мир, характерный для колониальной приключенческой литературы. Это противоречие отражает более широкую амбивалентность советской культурной политики, стремившейся одновременно преодолеть колониальное наследие и утвердить новую форму глобального влияния. В текстах воспроизводятся структурные, языковые и образные элементы колониального дискурса (европоцентризм, экзотизация и романтизация «других» культур, патерналистская риторика, идея колониальной практики коллекционирования экзотических артефактов). В КЗК существуют антиколониальный и колониальный дискурсы. «Другой» — это не только колонизируемый, идентичность которого сильно стирается, он назначается «другом» советского гражданина и европеизируется. «Другой» — это и колонизатор в советском колониальном дискурсе. Его образ дается иронически и безусловно осуждается. Колонизаторы — французы, американцы, британцы, а русские — открыватели и спасатели, дружащие с угнетаемыми другими державами. При этом, относительно колониального опыта Российской империи и Советского Союза используется фигура умолчания. Несмотря на антиколониальную направленность, книги о знаменитых капитанах сохраняют логику европоцентризма, где «другие» народы преимущественно становятся объектами наблюдения, изучения и описания. Отличие заключается в этической оценке: колониализм осуждается, а культуры представляются как равноценные.

Советский Союз — точка отсчета в путешествиях капитанов, это пространство гуманных исследователей и переселенцев. В книгах цикла КЗК сохраняется имплицитная географическая иерархия: Россия/СССР и Европа выступают как центры науки и культуры, места принятия решений, откуда отправляются экспедиции и куда возвращаются с «трофеями» (знаниями, артефактами, животными). Неевропейские территории остаются преимущественно объектами исследования и «пространствами приключений», хотя и изображаются с подчеркнутым уважением к их культурным ценностям. Советский антиколониализм в серии книг КЗК отличается от западных подходов к деколонизации позиционированием СССР как альтернативного центра, свободного от колониальной вины, но при этом имеющего право на глобальное культурное и идеологическое влияние.

Примечания

¹ Именно книги послужили материалом для настоящего исследования.

² Далее — КЗК.

³ О постколониальном подходе применительно к изучению детской литературы см. работу П. Нодельмана [Nodelman 1992].

⁴ Признан в РФ иностранным агентом.

⁵ О советском колониальном опыте см., например, работы Ю. Л. Слезкина, В. Тольц [Тольц 2013; Слезкин 2008].

Литература

Источники

Крепс, Минц 1951 — Крепс В. М., Минц К. Б. Клуб знаменитых капитанов: Тайна покинутого корабля. М.: Искусство, 1951.

Крепс, Минц 1963 — Крепс В. М., Минц К. Б. Свистать всех наверх! = Клуб знаменитых капитанов. М.: Детский мир, 1963. (Тетрадь / Клуб знаменитых капитанов; 1).

Крепс, Минц 1964 — Крепс В. М., Минц К. Б. По следам затонувшей шхуны: Фантастическая история для детей. М.: Малыш, 1964. (Тетрадь / Клуб знаменитых капитанов; 4).

Крепс, Минц 1964a — Крепс В. М., Минц К. Б. Сокровища капитана Ермакова: Фантастическая история для детей. М.: Малыш, 1964. (Тетрадь / Клуб знаменитых капитанов; 2).

Крепс, Минц 1964b — Крепс В. М., Минц К. Б. Тайна покинутого корабля: Фантастическая история для детей. М.: Малыш, 1964. (Тетрадь / Клуб знаменитых капитанов; 3).

Крепс, Минц 1974 — Крепс В. М., Минц К. Б. Клуб знаменитых капитанов: Фантастическая история для детей. [Кн. 1.]. М.: Сов. Россия, 1974.

Крепс, Минц 1974a — Крепс В. М., Минц К. Б. На волне знаменитых капитанов: Сборник радиопьес из цикла «Клуб знаменитых капитанов». М.: Искусство, 1974.

Крепс, Минц 1977 — Крепс В. М., Минц К. Б. Клуб знаменитых капитанов: Фантастическая история. Кн. 2. М.: Сов. Россия, 1977.

Крепс, Минц 1980 — Крепс В. М., Минц К. Б. Клуб знаменитых капитанов (Тайна покинутого корабля). М.: ВААП-Информ, 1980.

Крепс, Минц 1989 — Крепс В. М., Минц К. Б. Путешествие становится опасным: Радиопьесы из цикла «Клуб знаменитых капитанов». М.: Искусство, 1989.

Krepс, Минц 1997 — Крепс В. М., Минц К. Б. Клуб знаменитых капитанов: Фантастическая история, записанная гусиным пером в клеенчатых тетрадях, с прил. част. переписки одного «гор. Воробья» с конструктором планетоходов сер. ВВН. М.: Центрполиграф, 1997.

Исследования

Абашин 2015 — Абашин С. Н. Советский кишилак: Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Евдокимова 2021 — Евдокимова А. К. «Клуб знаменитых капитанов»: путешествия по советским радиоволнам // *Labyrinth: теории и практики культуры*. 2021. № 2. С. 21–40.

Кукулин 2012 — Кукулин И. В. «Внутренняя постколонизация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970–2000-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 846–909.

Михайлин 2020 — Михайлин В. Ю. *Locus amusos*: «особый путь» колониального и постколониального дискурса в отечественном кино // Новое литературное обозрение. 2020. № 6(166). С. 474–491.

Потанина 2014 — Потанина Н. Л. Колониальный дискурс в викторианской литературе (От Диккенса — к Киплингу) // Исследования в контексте профессиональной коммуникации. Т. 1. Тамбов: Тамбовская региональная общественная организация «Общество содействия образованию и просвещению „Бизнес — Наука — Общество“», 2014. С. 286–299.

Слезкин 2008 — Слезкин Ю. Л. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Сайд 2006 — Сайд Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006.

Тольц 2013 — Тольц В. Собственный Восток России: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Etkind 2011 — Etkind A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press, 2011.

Lloyd 1961 — Lloyd C. The Nation and the Navy: A History of Naval Life and Policy. London: Cresset Press, 1961.

Nodelman 1992 — Nodelman P. The other: Orientalism, colonialism, and children's literature // Children's literature Association Quarterly. 1992. Vol. 17, no. 1. Pp. 29–35.

References

- Abashin 2015* — Abashin, S. N. (2015). Sovetskiy kishlak: Mezhdu kolonializmom i modernizatsiyey [The Soviet kishlak: Between colonialism and modernization]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Etkind 2011* — Etkind, A. (2011). Internal colonization: Russia's imperial experience. Cambridge: Polity Press.
- Evdokimova 2021* — Evdokimova, A. K. (2021). “Klub znamenitykh kaptanov”: puteshestviya po sovetskim radiovolnам [“The Club of Famous Captains”: Traveling on Soviet radio waves]. Labyrinth: teorii i praktiki kul'tury [Labyrinth: theories and practices of culture], 2, 21–40.
- Kukulin 2012* — Kukulin, I. V. (2012). “Vnutrennaya postkolonizatsiya”: formirovaniye postkolonialnogo soznaniya v russkoy literature 1970–2000-kh godov [“Internal post-colonization”: The formation of postcolonial consciousness in Russian literature of the 1970s–2000s]. In A. Etkind, D. Uffelmann, & I. Kukulin (Eds.), Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kulturnoy istorii Rossii [Inside: Practices of internal colonization in Russia's cultural history] (pp. 846–909). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Lloyd 1961* — Lloyd, C. (1961). The nation and the navy. A history of naval life and policy. London: Cresset Press.
- Mikhailin 2020* — Mikhailin, V. Yu. (2020). Locus amoenus: “osobyy put” kolonialnogo i postkolonialnogo diskursa v otechestvennom kino [Locus amoenus: “Own Way” of Colonial and Postcolonial Discourses in Soviet film]. Novoe literaturnoe obozrenie, 6(166), 474–491.
- Nodelman 1992* — Nodelman, P. (1992). The other: Orientalism, colonialism, and children's literature. Children's literature Association Quarterly, 17(1), 29–35.
- Potanina 2014* — Potanina, N. L. (2014). Kolonialnyy diskurs v viktorianskoy literature (Ot Dikkensa — K Kiplingu) [Colonial discourse in Victorian literature (From Dickens to Kipling)]. In Issledovaniya v kontekste professionalnoy kommunikatsii [Studies in the context of professional communication] (Vol. 1; pp. 286–299). Tambov: Tambovskaya regionalnaya obshchestvennaya organizatsiya “Obshchestvo sodeystviya obrazovaniyu i prosveshcheniyu ‘Biznes — Nauka — Obshchestvo’”.
- Said 2006* — Said, E. W. (2006). Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism: Western conceptions of the Orient]. Saint Petersburg: Russkiy mir. (In Russian).
- Slezkine 2008* — Slezkine, Yu. L. (2008). Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa [Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Tolz 2013 — Tolz, V. (2013). *Sobstvennyy Vostok Rossii: politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskiy i rannesovetskiy period* [Russia's own Orient: The politics of identity and Oriental studies in the late imperial and early Soviet period]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Olga A. Luchkina

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-8184-5309

“THE CLUB OF FAMOUS CAPTAINS”: THE REPRESENTATION OF ANTI-COLONIALISM

This article analyzes the representation of anti-colonial themes in books based on the radio series *The Club of Famous Captains* (by Klimenty Borisovich Mints and Vladimir Mikhailovich Kreps). The radio series was a hit in Soviet broadcasting, airing from 1945 to 1982, and was distinguished by its pronounced anti-colonial theme. The books in *The Club of Famous Captains* series, which served as the material for this study, feature Russians, English, French, Germans, Americans, Native Americans, Africans, Indians, Chinese, Polynesians, Arabs, and Japanese. Through the lens of postcolonial theory, the article examines the contradictory nature of Soviet anti-colonialism. On the one hand, the works consistently condemn Western imperialism and racism, while promoting ideas of internationalism and respect for cultural diversity. On the other hand, the novels and radio plays retain elements of colonial discourse: Eurocentrism, paternalism, the exoticization of non-European peoples, and the romanticization of their images. Special attention is paid to the strategy of silence regarding the colonial experience of the Russian Empire and the USSR, as well as the contrast between “bad” Western colonizers and “good” Russian explorers. The conclusion is that *The Club of Famous Captains* conveyed an ambivalent discourse, combining declared anti-colonialism with narrative patterns and perceptions of the “other” inherited from the colonial era.

Keywords: *The Club of Famous Captains*, Soviet children’s literature, anti-colonialism, postcolonial theory, colonial discourse, internationalism, imperialism, image of the other